

Артист с комплексом полноценности

Евгений ГЕРЧАКОВ — артист в своем роде уникальный: играет в драме, поет в оперетте, участвует в мюзиклах, снимается в документальном и художественном кино, работает на радио. Закончив факультет актеров музыкального театра Гнесинского училища, распределился в Театр Советской Армии по личному приглашению Андрея Попова. Играл много и был замечен. Но спустя какое-то время переметнулся в Театр оперетты: поманила роль Сирано де Бержерака, предложенная Георгием Ансимовым. Роли так и не дождался, вернулся в Театр Армии. Оттуда ушел в "Эрмитаж" к Михаилу Левитину, где проработал 12 лет. Не остался и там — уехал в заграничный вояж, сыграв в Женеве роль Фрейда на французском языке. Вернувшись, пытался организовать свой частный театр. После одной, впрочем, успешной постановки — "Путешествие Вениамина III в Святую землю", это дело было прекращено. Сегодня, оставаясь внутренне свободным, Герчаков все же "приписан" к Театру Луны, занят в нескольких спектаклях. Одержим желанием и собственных постановок — мечтает об "Амоке" С.Цвейга и мюзикле "Серенада солнечной долины" Г.Миллера.

— Евгений Аркадьевич, вы все-таки не рискуете окончательно отправиться в свободный полет, быть самому себе и режиссером, и актером, и продюсером?

— Не столь давно в телепередаче "Магия" был сюжет с Аллой Демидовой. И она постоянно говорила о том, как ей все неинтересно, публика в России ужасная, поэтому ее, то есть Демидову, в России практически нет. Но ведь актер, которого зритель не может вечером увидеть, и не актер больше. Хотя я Демидову всегда обожал. Она играет за рубежом, репетирует на Кипре, в Греции, на солнце, условия замечательные. Она живет гораздо лучше всех нас. Но поверьте мне, она испытывает такую внутреннюю муку. Я больше чем уверен. Потому что там нет своего зрителя, корни-то здесь. Даже если она играет на английском языке. Я это тоже испытывал, играя Холстомера в Эдинбурге. Это была мука страшная, истязание собственной природы, и никакого удовольствия.

Демидова — актриса умная, говорила обо всем этом так убедительно, что было еще страшнее. Может быть, она вышла на какой-то другой уровень, для нас непостижимый. Не знаю... Когда человек оказывается в жизненном вакууме — ему конец. Когда актер остается один на сцене — это тоже конец. Потому что он без партнеров, без взаимодействия. Он безответен.

— И все же вы практически всю свою актерскую жизнь провели в метаниях, нарушив тем самым менталитет "советского актера". Не страшно ли было остаться не у дел?

— Многие актеры этого боятся. Из академических театров артистов выносят вперед ногами. Редко кто сам уходил, особенно в прежние времена. Но я не боюсь, хотя и не хочу из себя бесстрашного корчить. Всегда считалось, что советский человек обременен комплексами. Я же всю жизнь пытался с ними бороться. И доборолся до того, что у меня остался всего один комплекс — полноценности. А это значит, что я перестал бояться чего бы то ни было.

К тому же Театр Армии — это большая школа жизни, государство в государстве, причем под охраной Министерства обороны. Находясь там, я учился выживать. Меня там нобили, когда увидели, что я что-то из себя представляю. Петр Наумович Фоменко, у которого я сыграл одну из "пулевых" ролей в спектакле "Экзамены никогда не кончаются", мне сказал: "Женя, тебя будут долбить по полной программе". И это было все. Театр Армии всегда делился на кланы, я же не примыкал ни к одному из них. И правильно делал.

— Театр Армии — все же не ваш театр, равно как и Театр оперетты. Но почему вы расстались с Левитиным после двенадцатилетней совместной работы?

— Левитин возник в моей жизни на какой-то новой волне начала 80-х

годов. Он открыл для меня Хармса, за что я ему очень благодарен. Но на этом мои благодарности и заканчиваются. Я это говорю смело, потому что отдал "Эрмитажу" много лет и немало сделал для того, чтобы Левитин стал там главным режиссером. Когда я уезжал в Женеву, он пытался меня удержать, специально поставив "Парижскую жизнь" Оффенбаха. Как в воду глядел, потому что мы там пели на французском языке. Театр подал заявку на присвоение мне звания заслуженного артиста, и, когда я подтвердил свой уход, кто-то мне в спину крикнул: "Заслуженного не ждите!" Но удержать меня было уже нельзя. И я об этом тоже совершенно не жалею. Я ушел из театра в 1992 году. Как там тогда все было, так и осталось до сих пор.

Вообще режиссеры — это люди, в которых развито чувство превосходства над другими. Они же все — гении. Хотя я многих люблю.

— То есть все эти ваши метания, как говорится, от беды, потому что вам действительно не довелись встретить своего режиссера? Или вы полагаете, что актер должен блуждать?

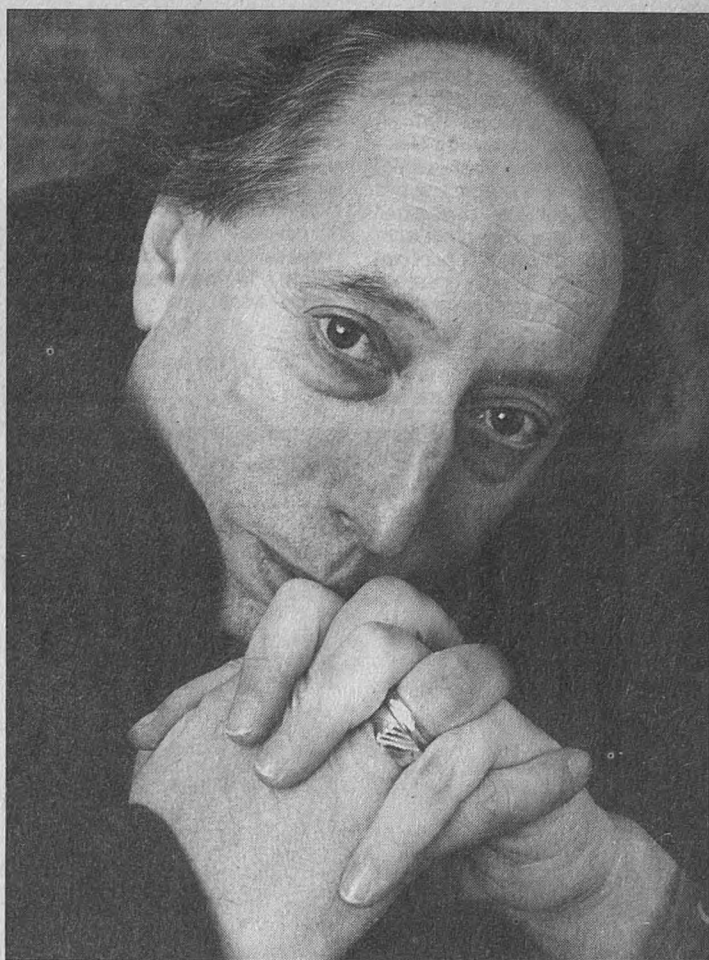
— Обязательно должен. То-то и оно, что мои метания не от беды и не с горя. Самый народный и перенародный артист, существующий 30 — 40 лет в одном театре, похожей режиссерской эстетике, закономерно обрастает штампами, причем ужасными. Актер становится все более великим, а смотреть на него уже нельзя. Тому масса примеров. И я это еще молодым человеком понял.

Знаете, иногда внутри тебя начинает звучать какой-то подсознательный колокольчик — и я ухожу куда-нибудь в другое место, чтобы очиниться. Кругом говорят: придется же все начинать с нуля, у тебя не будет своей примерки с табличкой "Народный артист России Евгений Герчаков". И это правда. Знаете, как я гримируюсь в Театре "У Никитских ворот", причем играл Холстомера в спектакле "История лошади"? Нет для меня там отдельной комнаты. Я сижу в реквизиторском цехе, за моей спиной — лыжи, ботинки, чемоданы. Похоже на багажное отделение Казанского вокзала. Но для меня главное не это, а то, что должно случиться через пять минут на сцене. Если случится чудо, то наплевать мне на отсутствие условий. К тому же у меня сейчас есть своя примерка в Театре Луны.

— Что вас там привлекает?

— Что-то мне нравится в этом театре, экстремальность какая-то. Хотя у меня столько вопросов к Театру Луны. Но я никогда не плюну в колодец театра, где я работаю, даже если меня припрут к стенке. Мы стали друзьями с художественным руководителем Сергеем Прохановым. Это дает мне право говорить ему правду, ничего не боясь. Он мне доверяет. Но все же свой театр у меня в душе все-таки существует.

— Как же совместить этот душевно-идеальный театр с жизненными реалиями?

Е.Герчаков

— Приходится совмещать. Вот мне говорят: убери тебя из спектакля "Губы", ничего там и не останется. Мне больно это слышать (даже если там и есть какая-то доля правды). Но человек должен понимать: существует некая данность, которую нужно воспринимать как единственную реальность. И пытаться сделать из нее какой-то фейерверк, создавать вокруг романтический ореол. А идеала нет нигде. Сальвадор Дали говорил: "Не стремитесь к совершенству, оно вам не грозит". Вот я и живу по этому правилу.

Хотел бы я работать с Някрошюсом? Да, хотел бы. Но нет у меня такой возможности. И я начинаю искать хорошее в Проханове. И нахожу. Проханов на моих глазах растет как режиссер. Он ведь начинал практически нулевым, сейчас же это человек, технически оснащенный. Хотя звезд он не создает, это не Марк Захаров.

— Предположим, у вас созрела идея собственной постановки. Вы будете ее вписывать в "лунную" эстетику или пойдете на сторону?

— Вот был у нас артист Виноградов. Он задумал ставить набоковскую "Машеньку". Проханов дал ему артистов, помещение для репетиций. Но конечный результат ему не понравился, Виноградов обиделся и из театра ушел. Я так поступать не буду. Потому что в данном случае мнение Проханова для меня не главное. Получится или нет — я сам пойму. Да, я хочу ему предложить постановку. Хотя, честно говоря, внутренне опасаясь. Пока мы, условно говоря, не соперники в режиссуре, мы — друзья. Ну а вдруг у меня получится? А ему захочется спектакль закрыть? Я не максималист, мне не хотелось бы с ним сойтись. И тогда я попробую поработать над постановкой в другом месте.

— Вы уже предпринимаете какие-то конкретные шаги, или все пока находится в стадии идеи?

— Что касается "Серенады солнечной долины", то существует пьеса, адаптированная под русский вариант. Драматург предложил ее конкретно мне. Но все упирается в финансы. Найдю я деньги, значит, буду ставить.

— А почему именно вы должны решать этот вопрос, ведь спектакль появится в репертуаре Театра Луны?

— Проханов не будет искать деньги под мой спектакль. Это уж я знаю точно. И он откровенно об этом говорит, не вилляя. А нужно ли много ни мало полмиллиона долларов. С этим спектаклем меньшей суммой не обойдешься. Но, мне кажется, такая вещь сегодня нужна и артистам, и зрителям.

— Почему вас не видно в антрепризе?

— Я сам хотел поставить антрепризный спектакль, у меня есть пьеса на четырех актеров. Но я слишком хорошо знаю, что такое нынешняя антреприза с ее одной-единственной целью — побольше заработать. Однако ведь для актера это не цель. Хотя... Мы все давным-давно должны умереть с голоду, раз в государственном театре народный артист получает три тысячи рублей в месяц. Но тем не менее кидаться на всю эту падаля, а потом читать о себе в газетах такое... Антрепризные актеры всеядны, они стремятся играть как можно больше. А меня сейчас этим не возьмешь. Хочется не столько о количестве, сколько о качестве подумать.

— Ну в антрепризе качество мало кого волнует, к сожалению.

— Да абсолютно никого, вообще никого. И не только в антрепризе. Такая эпоха. Важно количество денег, а не их качество. И пока бороться с этим бесполезно.

— Ролями уже никто не хвастает?

— Никто. Недавно мне кто-то из больших, очень известных артистов сказал: когда я подхожу к доске распределения и вижу, что моей фамилии там нет, то выхожу из театра с радостью. Представляете? Главных ролей играть не хотят! Это говорит о том, что атрофировано все. Даже, говоря высоким стилем, само служение искусству. Мы же не работаем, мы служим. По крайней мере, нас так учили. Священнодействуй или убивайся вон. И даже в плохом спектакле может существовать подобное священнодействие.

— Эта ситуация преодолима?

— Я думаю, все вернется на круги своя. Мы опять вступим в период каких-то открытий. Но для этого должно пройти много лет. Помните песню: "И мы в то время будем жить"? Не уверен...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА